

Анатолий Пчелинцев

Тайна
забытых
древностей

Анатолий Васильевич Пчелинцев

Тайна забытых древностей.

Записки коллекционера

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69563062

*Тайна забытых древностей. Записки коллекционера: У Никитских
ворот; Москва; 2023*

ISBN 978-5-00170-842-1

Аннотация

Каждый древний предмет или произведение искусства хранят тайну своего происхождения и бытования. Поэтому для любителя или собирателя старины ценны не только сами предметы, но и сопутствующая им история, которую надо еще по крупицам воссоздать. Сделать это вовсе не просто, ведь вещи немые и молчат.

Автор этой книги – адвокат и ученый юрист, многие годы увлеченный коллекционированием. На собственном опыте он раскрывает загадку некоторых предметов из своего собрания, что делает их более осязаемыми, близкими и понятными современному читателю.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию и будет интересна всем, кого интересует отечественная история и культура.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Вместо предисловия	6
Вернисаж	8
Архангел Гавриил	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анатолий Васильевич Пчелинцев

Тайна забытых древностей. Записки коллекционера

© Пчелинцев А. В., 2023

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2023

* * *

*Зайди и купи то, что выбросила твоя бабушка.
Реклама антикварного магазина*

*Как, вы никогда ничего не коллекционировали?
Тогда вам трудно будет понять, почему я с
таким пристрастием пишу о вещах, вовсе, может
быть, на ваш взгляд, не заслуживающих никакого
пристрастия.*

Владимир Солоухин. Черные доски

Вместо предисловия

Почти каждый из нас что-то собирал в детстве: марки, старинные монеты, фотографии с видами городов или артистов, книги... Многие пронесли это увлечение через всю жизнь. Но со временем пристрастия меняются, и по мере взросления и обретения материального достатка некоторые переходят на более редкие и дорогие предметы – картины, фарфоровые статуэтки, иконы, древние книги, изразцы и тому подобное. Для кого-то собирательство, наряду с основной профессиональной деятельностью, становится важной частью жизни: они участвуют в различных выставках, пишут статьи, составляют каталоги и наравне с музейными работниками и искусствоведами популяризируют отечественную культуру и историю. Так в России было всегда. Именно частные коллекции лежат в основе большинства современных музейных собраний, будь то Третьяковка, Эрмитаж или небольшой провинциальный музей. При этом перед коллекционером или потенциальным владельцем старинного предмета всегда встает вопрос атрибуции: что он держит в руках, откуда происходит артефакт, кто его изваял и в какое время? Порой такой предмет выглядит совсем невзрачным, но имеет такое богатое прошлое, что увлекательное повествование о его бытовании может занять десятки страниц.

Однажды я с удивлением обнаружил, что и сам уже давно

пребываю в мире древних вещей и произведений искусства, без которых не мыслю своего земного бытия. Адвокатская практика по так называемым антикварным делам также дает обильную пищу для размышлений. Так, на собственном опыте было решено систематизировать свои многолетние наблюдения применительно к конкретным случаям и предметам, что позволило приоткрыть тайну часто незаслуженно забытых древностей. Разумеется, я не претендую ни на какие широкие обобщения и выводы, а попросту рассказываю о личных наблюдениях, открытиях и эстетических переживаниях. При этом искусствоведов прошу быть снисходительными к вольному обращению с некоторыми известными фактами, поскольку это не научное исследование, а беллетристика на тему старины.

Часть историй, включенных в данную книгу, ранее публиковалась в различных изданиях и получила положительные отклики читателей, которые просили продолжения. Поэтому возникла идея собрать такие истории вместе, что-то добавить и опубликовать отдельной книгой. Что из этого получилось – судить читателю. Отзывы и пожелания можно направлять автору на адрес электронной почты – advocatavp@yandex.ru.

Вернисаж

*Ты у него увидишь груды
Старинных лат, мечей, посуды,
Тут шлемы старые, гребенки,
Два телескопа,
Горшки для каши и солонки
Времен потопа.*

Роберт Бернс

Чаще всего свои коллекции любители старины пополняют на встречах с единомышленниками в различных клубх либо на так называемых барахолках, именуемых еще блошиными рынками, которые существуют во всех крупных городах России. Мне не раз доводилось бывать на подобных развалах во многих азиатских и европейских городах, будь то в деловых поездках или на отдыхе. По моим наблюдениям, самые шумные и дешевые рынки в Индии и Китае, а самые богатые по выбору (антикварная керамика, хрусталь, картины, канделябры, дуэльные пистолеты, шпаги, гобелены и прочее), пожалуй, в Англии, Бельгии и Германии.

Однако берусь утверждать, что одним из известнейших мест на антикварном мировом рынке по праву считается знаменитый вернисаж в Измайловском парке Москвы. Тысячи людей собираются здесь по выходным дням со всей России

не только для того, чтобы продать или купить старинную или просто завалявшуюся старую вещь, но и почувствовать очарование старины. Этот рынок не просто большая площадка, а целый город со стилизованными башнями и кирпичными крепостными стенами, построенными в средневековом стиле уже в наше время.

Существует вернисаж уже более тридцати лет, и здесь есть все или почти все: от раннего Средневековья до поздних Советов. Знакомый завсегда пошутил по этому поводу: «Хочешь космическую ракету? Пожалуйста, закажи и приходи завтра – будет!» Я как-то долго искал книгу искусствоведа Алексея Ивановича Некрасова «Древнерусское изобразительное искусство», изданную в печально известном и теперь уже далеком 1937 году (автор книги, правнук классика русской литературы, сам был репрессирован и умер в ссылке от истощения). На книжном развале вернисажа мне удалось купить ее с первого раза.

Или другой случай. В офисе на столе у меня стоит небольшой бронзовый бюст Льва Николаевича Толстого, поклонником философии и творчества которого я являюсь. А вот за статуэткой писателя в полный рост и с тяжелой палкой в руке производства легендарного Ленинградского фарфорового завода уже для домашнего кабинета я охотился давно, но все как-то не получалось. Однажды в Санкт-Петербурге в антикварном магазине я наконец увидел то, что долго искал. Однако, к великому огорчению, статуя оказалась с тре-

щинами, хотя цену за нее просили немалую. Какова же была моя радость, когда я увидел на вернисаже молочно-белую фарфоровую фигуру любимого писателя в идеальном состоянии. И просили за нее раза в три меньше, чем в Питере. Купил тут же, не торгуясь.

Самое интересное здесь начинается ранним субботним утром, еще задолго до открытия вернисажа. На машинах и с железнодорожных вокзалов спешат сюда иногородние любители старины и «купцы», чтобы в розницу или оптом продать то, что удалось скупить или собрать в своей провинции. Поэтому настоящий собиратель старается субботу не пропускать и по возможности прийти пораньше, чтобы, если повезет, стать счастливым обладателем какой-нибудь уникальной вещицы.

На вернисаже можно встретить немало известных людей. Однажды зимой, несмотря на мороз, встретил я знаменитого художника Илью Сергеевича Глазунова. Я всегда поражался его внешним сходством с Федором Ивановичем Шаляпиным и в очередной раз убедился в этом. Не поленитесь, посмотрите картину Бориса Кустодиева «Портрет Ф. И. Шаляпина», и вы увидите, как похожи эти два великих человека. Илья Сергеевич был в черном длинном пальто с меховым воротником, в старомодной шапке фасона «пирожок» и не спеша, со знанием дела присматривался к старинным иконам. Встретил я Илью Сергеевича за полгода до его ухода из жизни, а было ему на тот момент уже немало – восемьдесят

шесть лет. Старожилы вернисажа говорят, что народный художник был здесь своим человеком и охотно вступал в дискуссии с продавцами и коллекционерами.

На вернисаже много молодежи, но немало и пожилых людей. Одеваются они, как правило, скромно, хотя нередко являются обладателями целых состояний. Главное для них – добыть заветный предмет, который они искали годами и почитали как величайшую ценность. Зачастую сам процесс поиска для них становится как бы смыслом жизни. Как тут не вспомнить Оноре де Бальзака: «Пристрастие к коллекционированию – первая ступень умственного расстройств». Будем, однако, считать, что великий писатель пошутил; кроме того, такой тонкий психолог, как Бальзак, не мог не знать, что всякий серьезно увлеченный чем-то человек всегда не похож на окружающих.

Однажды я был свидетелем спора двух уже немолодых мужчин – покупателя или просто зрителя и продавца. Они разошлись во мнении о том, когда был изготовлен старинный самовар изысканной грушевидной формы.

– А я говорю, – настаивал один, – это конец девятнадцатого века. И не спорь! Видишь, здесь клеймо «Братья Василий и Александр Баташовы». Его начали ставить как раз в это время, – не без обиды говорил он.

– Да твое клеймо ничего не значит! Посмотри на кран и верток, и поймешь – не конец, а середина девятнадцатого века, – возражал продавец. – Я здесь не один год, и через

мои руки прошли тысячи самоваров. В чем в чем, а в них я толк знаю.

– Молодой человек, я тоже не вчера родился! Мне, между прочим, девяносто три, и в самоварах я чуток разбираюсь.

«Молодому человеку» на вид было никак не меньше семидесяти пяти, однако на фоне своего собеседника он действительно пребывал еще в состоянии «юношеского» возраста. Похожих забавных сцен здесь великое множество. На память сразу приходит мастерски описанные «королем репортеров», писателем Владимиром Гиляровским сцены, подсмотренные им в толчее знаменитого Сухаревского рынка.

Кстати, здесь тоже есть свои писатели. С одним из них, Вениамином Кожариновым, я познакомился. Приветливый человек с седой бородкой, автор многих книг, он также известен как успешный собиратель и обладатель уникальной коллекции предметов парфюмерии прошлых лет, аналога которой нет в России. А это в том числе знаменитые духи «Любимый букет императрицы», созданные великим парфюмером Генрихом Брокарром, уникальные несессеры царских времен, флаконы для изделий всемирно известных русских и зарубежных парфюмерных брендов и многое другое. Настоящий исследователь, он написал поистине уникальную книгу «Русская парфюмерия. Иллюстрированная история». Она замечательно издана, и ее можно купить здесь же, у автора, и при желании получить автограф. «Русская парфюмерия» нашла свое место на полках моей библиотеки, а с ней рядом другая,

которую Вениамин Вячеславович мне подарил и, разумеется, подписал, – «Утраченная Атлантида».

При наших встречах я громко приветствую коллекционера словами: «Доброго здоровья, маэстро! Как поживаете?» В ответ он улыбается, и мы вступаем в разговор. Излюбленная его тема, конечно же, парфюм и те открытия, которые он сделал в этой области. Непременно вспомнит он имена незаслуженно забытых блистательных российских парфюмеров прошлого. В подобных встречах и беседах и есть прелесть вернисажа. В самом деле, где еще ты можешь поговорить о приметах давно минувших дней, набраться ума-разума у незаурядных личностей, преданно любящих старину, многое о ней знающих и сохраняющих ее материальные воплощения для будущих поколений!

А вот еще одно знакомство – с Николаем Ивановичем Давыдовым. У него, как и у Кожаринова, свое постоянное место на вернисаже. К нему подходят посоветоваться по тому или иному вопросу, связанному с меднолитой пластикой (есть такое направление в русском духовном изобразительном искусстве). Николай Иванович уже много лет собирает старинные крестики, металлические иконы и складни. Когда-то он изучал технологию литейного производства и защитил кандидатскую диссертацию на эту тему. Но случилось так, что избранное им научно-техническое поприще в конце концов привело его к собирательству старинных литых предметов. Когда мы с ним познакомились, ему исполни-

лось семьдесят шесть и он был автором четырех великолепных иллюстрированных монографий по русской меднолитой пластике. Признаюсь, я был немало изумлен непредсказуемостью жизненных дорог и перепутий: был признанным специалистом литейного промышленного производства, а стал не менее признанным знатоком истории литья мелкой пластики – предметов личного благочестия. Книги Николая Ивановича я приобрел и теперь часто обращаюсь к ним как к незаменимому пособию. С тем большим интересом я жду очередного его труда, в котором, как сказал он мне, разнообразные формы литых крестов рассматриваются феноменом декоративно-прикладного искусства.

Собирателей старинной меднолитой пластики – различных крестов, панагий и складней – на вернисаже много. Однажды я решил разобраться, что за медный образец попал ко мне в руки. Поговорил с Николаем Ивановичем, еще раз перелистал его и других авторов книги и понял, что это необычайно интересная тема, давно занимающая ученых-археологов и искусствоведов. По этим изделиям можно проследить отечественную историю, историю христианства в нашем отечестве, а также уровень развития ремесленного и ювелирного искусства в то или иное время. Я уже не говорю о том, что сами кресты, складни и миниатюрные образки, особенно украшенные многоцветной стекловидной эмалью, поражают высоким уровнем литья и особенным изяществом.

На вернисаже меднолитых икон и складней великое мно-

жество. В отличие от деревянных живописных икон они в меньшей степени подвержены порче, их удобно хранить. Ни одному, даже самому усердному собирателю за всю жизнь ни за что не охватить в своей коллекции всего многообразия художественных форм и сюжетов литых икон и складней. К сожалению, образы святых на многих меднолитых образах часто оказываются стертymi. Виной тому благочестивый обычай с помощью речного песка, мела или обломка кирпича до блеска чистить перед престольными праздниками металлические образа. Само собой, от такой заботы исчезал первоначальный рельеф иконы, пропадали фрагменты одежды, надписи и орнаменты, а на иконах и киотных крестах особо усердных хозяев вместо ликов святых оставались гладкие поверхности.

Пожалуй, самый распространенный тип медных икон – это деисус, что в переводе с греческого означает «моление». Деисус представляет трехстворчатую икону с изображением на центральной плакетке Иисуса Христа, восседающего на престоле, по правую Его руку находится Богородица, слева – Иоанн Предтеча. Эта необычная по красоте икона бывает разных размеров и в различных эмалях. Гораздо реже встречаются изящные складни, покрытые сусальным золотом. Однако именно на вернисаже мне посчастливилось приобрести один такой редкий экземпляр.

Встречаются и четырехстворчатые складни «Двенадцатые праздники», или, как их именуют в старых книгах,

«большие праздничные створы», служившие походными иконостасами для старообрядцев. Чаше можно найти отдельные створки от этой прекрасной композиции. Знатоки объясняют: после смерти главы семьи сыновья нередко разбирали складень по створкам и хранили их в своих новых семьях. Бытует и другое мнение: собираясь в дальнюю дорогу, хозяин якобы отделял от складня одну створку, которую брал с собой, а остальные оставлял домашним.

Самая старая хранящаяся в моей коллекции медно-литая иконка датируется XII веком и называется Елеуса, что означает «умиление». Ее высота всего три сантиметра, техника исполнения проста, я бы сказал, до наивности. На иконке можно различить очертания младенца Христа, припавшего щекой к Богоматери. Это полное нежности изображение Матери и Сына хорошо передано в более поздних писанных иконах. Однако металлическая иконка Елеуса, явившись одним из первых воплощений замечательного образа, отразила уровень зарождающегося художественного литья того далекого времени. Купил я этот образок на вернисаже, а найден он был, по утверждению продавца, в Новгородской области.

Я часто останавливаюсь около стендов собирателей военных орденов, медалей и жетонов. Зачастую красивые награды и знаки напоминают ювелирные украшения из драгоценных металлов, которыми можно долго любоваться. Старинные награды были и в моей коллекции – например, царские медали «За усмирение Венгрии и Трансильвании», «За храб-

рость», «За усердие», Георгиевский крест четвертой степени, знак на массивной цепи «Сельский староста» и другие. Когда-то давно я поменял их на старинные монеты. Но советскими военными орденами и медалями я дорожу и бережно храню их, как драгоценные реликвии.

Часто я думаю, что можно было бы по номерам орденов и медалей найти потомков тех, кто храбростью и отвагой заслужил эти награды, и передать им как знак глубокого уважения к героям, как низкий поклон памяти воевавших и павших. Ордена и медали должны храниться в семьях как фамильные драгоценности и передаваться по наследству. Мой старинный, еще со школьной скамьи, друг однажды нашел в роще по соседству с селом орден «Материнская слава» второй степени. Старший офицер запаса, он знал цену государственным наградам, потратил уйму времени и все-таки нашел одного из сыновей награжденной когда-то матери. Им оказался ее седьмой ребенок, а теперь – преклонных лет старец. Юрий посетил его в больнице и передал ему награду. Надо ли говорить, как был потрясен этот старый человек! Надо ли говорить о его слезах и глубокой его благодарности, которую он не мог передать словами! Можно представить себе, сколько драгоценных воспоминаний пробудил в нем этот орден. Такие минуты навсегда остаются в душе.

Коль скоро зашла речь об орденах, скажу вот о чем. В начале восьмидесятых годов прошлого века, когда я служил помощником военного прокурора в войсках ПВО в Подмос-

ковье, мне показали огромную коллекцию военных наград, собранных со всего мира для рейхсмаршала нацистской Германии Германа Геринга. Оказывается, второй человек рейха собирал не только старинную живопись и гравюры, обирая музеи и частные собрания в оккупированных странах, но также ордена и медали, которые ему везли со всего белого света. В самом конце войны эта коллекция в качестве трофея была перевезена в Советский Союз. Она нигде не выставлялась, и около тысячи артефактов, безо всякой атрибуции и поясняющих табличек, были просто-напросто развешены на стене под стеклом на окружном вещевом складе Московского округа Противовоздушной обороны в поселке Голицыно. Что стало с этой уникальной коллекцией, где она хранится сейчас, да и хранится ли вообще, не знаю. Пытался найти ее следы в интернете, но безрезультатно. Вовсе не исключаю, что ее могли «списать за ненадобностью» или, состряпав соответствующий акт, «уничтожить», особенно в начале лихих девяностых, когда Московский округ ПВО был расформирован. Кражи музейных реликвий, увы, не редкость, а тут ценнейшая коллекция хранилась даже и не в музее, а на окружном вещевом складе – как собрание старых предметов военного быта.

Пожалуй, особое место на вернисаже занимают изделия из фарфора. Сегодня многие отдают им предпочтение, и здесь есть отдельные лавки, где предлагают исключительно изделия из фарфора: изящные дореволюционные фигур-

ки ручной работы, вазы, посуду, различную фарфоровую утварь, как отечественного, так и европейского производства. Я не очень разбираюсь во всех тонкостях, но вижу, что вне конкуренции на вернисаже российский императорский фарфор и статуэтки немецкой фирмы Meissen, которые ценятся достаточно высоко. Весьма часто встречаются фарфоровые статуэтки Наполеона. Но я никогда не поставлю его бюст у себя дома или в офисе – император для меня такой же авантюрист и злодей, как и другие диктаторы всех мастей. А неподалеку от Наполеона – немалое количество самых разных бюстов Ленина и Сталина. Их покупают довольно охотно: кто-то – как свидетельство нашей истории, а кто-то – из слепого преклонения перед ними.

За последние годы на вернисаже как-то незаметно стали исчезать предметы деревенского и городского быта: керамическая посуда, глиняные кувшины, берестяные туеса, рубеля, трепала, утюги, мочесники и тому подобное. Знающие люди утверждают, что время таких вещей уходит, они попросту исчезают с лица земли. Да, за этими предметами не стоит седая древность, вот почему они, как правило, не хранятся даже в музеях. Взять, к примеру, такой неприметный и необходимый в крестьянском хозяйстве инструмент, как кочедык. Сегодня большинство молодых людей даже понятия не имеют о его предназначении и вряд ли опишут, как он выглядит. А ведь еще в начале прошлого столетия кочедык, которым плели лапти, был чуть ли не самым востребо-

ванным предметом в хозяйстве! Еще бы, у лаптей век был короткий – пара недель, и надо плести новые. Конечно же, кочедык я нашел в одной из лавок на вернисаже – увидел и приобрел.

В этом и заключается замечательная особенность вернисажа – здесь не только хранят историю, но и учат бережному отношению к ней, к ее материальным свидетельствам. Приходите и посмотрите, не пожалеете, а может, что-то и приобретете.

Архангел Гавриил

*Послан был ангел Гавриил от Бога.
Евангелие от Луки, 1:26*

Давным-давно я прочитал книгу Владимира Солоухина «Черные доски» – о древнерусских иконах, страсти собирательства, счастливых обретениях, горьких разочарованиях. Словом, обо всем том, что увлекает человека, вдруг увидевшего в старой ли марке, в позеленевшей от возраста медной монете или в старинном клинке осколочек минувшего, свидетельство истории, отблеск немеркнувшей красоты. Книга меня поразила. Меня всегда интересовала живопись, всегда занимала история, а тут в иконах прекрасное говорило о прошлом, а прошлое дарило радость соприкосновения с прекрасным.

Я стал искать старые иконы.

В селе Ляча Наровчатского района Пензенской области, на родине моих предков по линии отца, был храм во имя святого Николая Чудотворца. В начале тридцатых годов он разделил горестную судьбу тысяч храмов России – был закрыт и разграблен. Комсомольские активисты, а попросту говоря, молодые ребята, с гоготом вынесли из храма иконы, облили керосином и подожгли. Женщины – они, тихие страдалницы, берегли для России веру отцов – бросились спасать святые

образа. Обжигая руки, они выхватили из пламени и уберегли от гибели несколько икон.

Среди спасенных икон оказался и образ, положивший начало моему собранию. Но по порядку.

Моя ровесница Люба, с которой мы были дружны с детских лет, однажды сказала мне, что у них в сарае много лет лежит старая икона. Откуда? Трогательная и печальная история открылась мне. Выхваченная из пламени, она оказалась в крестьянской избе и была помещена в правом углу горницы, который на Руси издавна называли красным. От огня верхняя часть иконы сильно пострадала и обуглилась, но изображенный на ней лик остался невредим и не утратил своей изначальной красоты. Черноту замазали серебряной краской и прикрыли вышитым полотенцем. Образ освящал эту избу тридцать с лишним лет. Хозяйка выплакивала перед ним свои горести, просила духовной поддержки, делилась печалью и благодарила за радости. Но когда она ушла из жизни, ее внук, председатель колхоза и убежденный коммунист, сослал икону в курятник.

Его дочерью и была рассказавшая мне о судьбе иконы Люба. Я загорелся. О, как мне хотелось поскорее заполучить этот образ, разглядеть его, узнать, кто на нем запечатлен! Отчего-то я был уверен, что в мои руки попадет шедевр.

«Кто знает, – думал я, – может быть, этот образ написан учениками школы великих мастеров Андрея Рублева или Дионисия».

«Грядет событие в истории русской иконописи!» – мечтал я, ожидая, когда девушка принесет икону.

Между тем тайком от отца, завернув в старую мешковину, Люба принесла ее. Дрожащими руками я взял икону и, затаив дыхание, поднес к падающему от лампы свету. Но что это?! Перед моими глазами оказалась совершенно черная доска, на лицевой поверхности которой был толстый слой сухой грязи и куриного помета. Не видно ни одной линии, которая могла хотя бы подсказать, на какой сюжет написана икона или какой святой на ней изображен. Часть доски обгорела, она рассохлась, прогнулась, две поперечные шпонки едва держались в пазах. Разочарованию моему не было предела. Но постепенно мысли мои приобрели иное направление. Это икона, сомнений быть не может! Да, она очень пострадала от огня, времени и человеческого равнодушия. Но я восстановлю ее!

На следующее утро на свой страх и риск я взялся за работу.

Было теплое августовское лето, я был курсантом военно-юридического факультета и находился в отпуске. Впереди у меня была уйма свободного времени, и я теперь твердо знал, чему его посвящу. Я был охвачен стремлением во что бы то ни стало выяснить, что изображено на иконе: лик святого или событие священной истории – Рождество Христово, Крещение, а может быть, Воскресение. Оставалось понять, как восстановить икону. Первым учебником реставра-

ции стала для меня книга Солоухина, в которой более или менее подробно было описано, что делают профессиональные художники для того, чтобы спасти древнюю икону. Каюсь, я пренебрег предупреждением: ни в коем случае не прикасаться к иконе, если не владеешь навыками реставратора. Но как удержаться от жгучего любопытства, как не постараться поскорее узнать, какую тайну хранит почерневшая от времени доска!

Первым делом я взял влажную тряпочку и, затаив дыхание, смыл верхний слой грязи. С тыльной стороны липовой доски открылось множество небольших круглых отверстий, сделанных когда-то древесным жучком – шашелем. Жучков не было, но я все-таки обработал каждую дырочку керосином и затем залил лаком.

Лицевая часть иконы была покрыта толстым слоем потемневшей олифы. Уже потом я узнал, что еще в древности иконы покрывали олифой для лучшей сохранности и блеска. Так они выглядели более празднично и нарядно. Но олифа имеет одну коварную особенность – с годами она темнеет, скрывая изображение под непроницаемой пленкой. Древнюю икону каждые восемьдесят – сто лет мастера могли освежить: поверх олифы написать новый образ и заново покрыть олифой. Лицевая сторона древней иконы представляла собой как бы слоеный пирог: красочный слой – олифа, снова красочный слой – и снова олифа, и так несколько раз. Знаменитая «Троица» Андрея Рублева была обнаружена ре-

ставраторами, например, под восемью более поздними написаниями и подновлениями! Чтобы убрать старую олифу и нанесенную краску, не повредив при этом изначальный образ, требуется большое искусство, время и терпение, поскольку одним неосторожным движением можно безвозвратно уничтожить тонкий живописный слой оригинала.

В моем случае все было проще: по всем признакам ико-не было не более ста пятидесяти лет и по первоначальному образу никто не писал новый. Я положил икону на стол и приступил к основной «операции». Налив в тарелочку подсолнечное масло и смочив им ватный тампон, я осторожно протер лицевую сторону иконы. Она как бы плавно проявилась, и я увидел проступившие контуры образа какого-то лица, но цвета красок при этом оставались тусклыми и неясными. Затем, смочив клочок ваты в смеси нашатырного и этилового спирта, я прижал его пальцами к поверхности на две-три минуты. Каноны реставрации требовали применить здесь фланелевую ткань, стекло и гирьку в качестве пресса, но под рукой этого не оказалось, и я действовал на свой страх и риск. После этого я осторожным движением снял слой разбухшей почерневшей олифы, и – о чудо! – как кусочек неба среди туч, под ним засиял сине-голубой кобальт. Две недели сантиметр за сантиметром я очищал икону – и очистил ее полностью. И тогда в солнечном свете передо мной явилось в первозданном сиянии красок диво – потрясающий огромной силой цвета, пленительной красоты образ архангела. Да-

же тонкие трещинки – кракелюры, паутинкой покрывавшие лик, – не испортили, а скорее, наоборот, придали иконе особенное благородство, как бесспорное свидетельство ее почтенного возраста. Мой восторг не передать словами. Быть может, нечто подобное испытывает ребенок при встрече с матерью после долгой разлуки. Я чувствовал себя невероятно счастливым оттого, что смог вернуть к жизни эту прекрасную икону, написанную неизвестным художником в первой половине XIX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.